

Оригинальная статья

УДК 159.99:316.624

Виктимность школьников как антропологическая основа профилактики девиантных рисков

Ольга Александровна Денисова

Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
oadenisova@chsu.ru

ORCID: 0000-0002-0236-9181**Ольга Леонидовна Леханова**

Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
lehanovao@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0882-4632**Александра Владиславовна Михайлова**

Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
phalene@inbox.ru и

ORCID: 0009-0000-5822-6166**Аннотация**

Введение. Изучение виктимности в аспекте профилактики возникновения девиантных рисков актуально не только как фундаментальная научная проблема, но и как прикладная задача обеспечения безопасности страны и ее граждан. Получение современных данных по этой проблеме должно выступить антропологической основой для профилактики дезадаптаций и девиаций учащихся. Цель работы – представить данные о состоянии виктимности школьников в аспекте рассмотрения ее как антропологической основы профилактики небезопасного поведения и девиантных рисков. Теоретической основой анализа выступают представления о виктимности как отклонении от норм безопасного поведения и как о дезадаптивном стиле реагирования. **Методы.** Эмпирическое исследование проведено на выборке 740 учащихся 1–11 классов в городах присутствия ФосАгро. Использован адаптированный скрининговый опросник виктимного поведения школьников (30 бинарных пунктов), разработанный на основе многомерной модели виктимности О. О. Андронниковой и дополненный шкалами лживости, данными о поле, возрасте, классе, городе, общими сведениями о семье обучающихся. Виктимность исследовалась как мониторинговая характеристика школьной уязвимости, потенциально связанная с девиантными рисками. Для анализа применены описательная статистика, расчет шести содержательных субшкал, кластеризация (K-means), корреляционный анализ. **Результаты.** Наиболее массово представлены не прямые признаки виктимности, а фоновые риск-маркеры: импульсивные действия, ожидание помощи от взрослых, пассивность в ситуации агрессии, трудности принятия замечаний и неуверенность в возможности

справиться с трудной ситуацией. Признаки реализованной виктимизации фиксируются у меньшей части обучающихся. По результатам разведочной кластеризации выделены три интерпретируемых профиля виктимных риск-маркеров: профиль повышенного риска, зависимо-гиперсоциальный профиль и профиль умеренного риска с элементами импульсивности. Профили различаются по выраженности эмоциональной уязвимости, импульсивности, агрессивных и реализованных признаков. Возрастные особенности уязвимости определяют не линейный рост виктимности с возрастом, а изменение структуры риск-маркеров.

Ключевые слова

виктимность, дезадаптация, девиантные риски, девиантное поведение, антропология девиантности, социальная безопасность, дети, подростки

Благодарности

Авторы выражают благодарность Алексею Игоревичу Смирнову, заместителю генерального директора по режиму АО «Апатит» за поддержку идеи исследования; Юлии Геннадиевне Бондаренко, директору частного учреждения культуры «Интерактивный центр ФосАгро», и Светлане Леонидовне Злобиной, руководителю Интерактивно-познавательного центра (ИПЦ) «Зелёная планета», за содействие в организации сбора данных; учащимся и их родителям за добровольное участие в исследовании.

Для цитирования: Денисова, О. А., Леханова, О. Л., Михайлова, А. В. (2026). Виктимность школьников как антропологическая основа профилактики девиантных рисков. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 315–328.

Original paper

Victimisation of schoolchildren as an anthropological basis for the prevention of deviant risks

Olga A. Denisova

Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
oadenisova@chsu.ru

ORCID: 0000-0002-0236-9181

Olga L. Lehanova

Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
lehanovao@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0882-4632

Alexandra V. Mikhailova

Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
phalene@inbox.ru

ORCID: 0009-0000-5822-6166

Abstract

Introduction. The study of victimisation in the aspect of preventing the emergence of deviant risks is relevant not only as a fundamental scientific problem, but also as an applied task of ensuring the security of the country and its citizens. Obtaining modern data on this problem should serve

as an anthropological basis for preventing the maladaptation and deviance of pupils. The purpose of this work is to present data on the state of victimisation among schoolchildren in the aspect of its consideration as an anthropological basis for preventing unsafe behaviour and deviant risks. The theoretical basis of the analysis is the concept of victimisation as a deviation from the norms of safe behaviour and as a maladaptive style of response. **Methods.** The empirical study was conducted on a sample of 740 pupils in grades 1–11 in the towns where PhosAgro operates. An adapted screening questionnaire of schoolchildren's victim behaviour (30 binary items) was used, developed on the basis of the multidimensional model of victimisation by O.O. Andronnikova and supplemented with scales of deceitfulness, data on gender, age, class, town and general information about the families of the pupils. Victimisation was studied as a monitoring characteristic of school vulnerability, potentially associated with deviant risks. Descriptive statistics, calculation of six meaningful subscales, clustering (K-means), and correlation analysis were used for analysis. **Results.** The most common features are not direct signs of victimisation, but background risk markers: impulsive actions, expectation of help from adults, passivity in a situation of aggression, difficulties in accepting comments, and uncertainty about the ability to cope with a difficult situation. Signs of actual victimisation are observed in a smaller number of schoolchildren. Based on the results of exploratory clustering, three interpretable profiles of victim risk markers were identified: a high-risk profile, a dependent-hypersocial profile, and a moderate-risk profile with elements of impulsivity. Profiles differ in the severity of emotional vulnerability, impulsivity, aggressive and realised traits. Age-related features of vulnerability determine not a linear increase in victimisation with age, but a change in the structure of risk markers.

Keywords

victimisation, maladjustment, deviant risks, deviant behaviour, anthropology of deviance, social security, children, adolescents

Acknowledgements

The authors express their gratitude to Alexey Igorevich Smirnov, Deputy General Director for the regime of JSC "Apatit" for supporting the idea of the research; Yulia Gennadievna Bondarenko, Director of the private cultural institution "Interactive Center of PhosAgro", and Svetlana Leonidovna Zlobina, Head of the Interactive and Educational Center (IEC) "Green Planet" – for assistance in organising data collection; children and their parents for voluntary participation in the research.

For citation: Denisova, O. A., Lehanova, O. L., Mikhailova, A. V. (2026). Victimisation of schoolchildren as an anthropological basis for the prevention of deviant risks. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 315–328.

Введение

Исследование виктимности и профилактика девиаций детей соответствуют задачам защиты человеческого потенциала, противодействия социокультурным угрозам (Стратегия национальной безопасности РФ¹, Стратегия комплексной безопасности детей²), а также поиска средств сохранения психического здоровья человека и изучения молодежи как группы повышенного риска и стратегического ресурса развития общества (Стратегия НТР³, Программа ФНИ⁴).

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации".

² Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации».

³ Указ Президента РФ от 28.02. 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (2021 - 2030 гг.)».

Особую актуальность данные исследования приобретают в ситуации заинтересованности и включенности социально ответственного бизнеса в реализацию социальной политики страны и партнерства бизнеса с научным сообществом для реализации инициатив по обеспечению безопасности граждан. Представленное исследование является результатом партнерства Череповецкого государственного университета, осуществляющего подготовку специалистов по направлению «Педагогика и психология девиантного поведения», и частного учреждения культуры Интерактивно-познавательного центра (ИПЦ) «Зеленая планета» АО «Апатит» компании ФосАгро. По инициативе компании в городах присутствия ФосАгро реализуется профилактический проект «Агенты безопасности», обеспечивающий формирование у школьников безопасного поведения через интерактивные технологии. Для определения стратегических задач развития проекта и с учетом запросов государства, общества и бизнеса реализовано исследование, призванное оценить степень выраженности виктимности у потенциальных участников проекта в аспекте определения антропологических основ профилактики возникновения рисков девиаций.

В современном научном контексте проблема виктимности, дезадаптаций и девиаций занимает центральное место в концептуальных схемах, объединяющих микро-, мезо- и макросоциальные уровни взаимодействий в криминологии, психологии, социологии, педагогике, виктимологии и антропологии. В отечественной традиции виктимность определяется как совокупность свойств человека, способствующих дезадаптивному стилю реагирования (Андронникова, 2019; Мартысюк, 2024; Cook et al., 2010; Reijntjes et al., 2010). Активно изучаются причины и последствия виктимизации (Реан, 2015; Андронникова, 2019; Григорьева & Усова, 2020; Буткевич, 2024; Barboza, 2015; Marengo et al., 2019; Bettencourt et al., 2023), программы профилактики (Реан, 2018; Быстрова & Быстров, 2023; Axford et al., 2020; Du Pont-Reyes et al., 2021; Garandeau et al., 2023; Lee et al., 2023), возрастные различия виктимности (Семенова, 2024; Garandeau et al., 2019). Некоторые авторы определяют виктимность как вариант девиантного поведения (Быстрова & Быстров, 2023). О. О. Андронникова (2019) рассматривает виктимность в рамках концепции многомерного виктимного поведения и онтогенетической матрицы ведущих факторов виктимизации. Большинство авторов единодушны в мнении, что внешние социальные изменения провоцируют вероятность формирования у детей и подростков уязвимых паттернов поведения (Реан, 2015; Буткевич, 2024; Cañas et al., 2020), а девиация традиционных духовно-нравственных ценностей способна разрушать национальную идентичность (Мартысюк, 2024). А. Тойнби (2001), что позволяет рассматривать виктимность как один из возможных ответов современной личности на вызовы социальной среды. Зарубежные метааналитические исследования подтверждают связь виктимизации с психосоциальным неблагополучием детей, их внутренними проблемами, эмоциональной уязвимостью, одиночеством, снижением самооценки, указывают на двунаправленный характер связей между виктимизацией и проблемами поведения (Cook et al., 2010; Reijntjes et al., 2010; Olweus, 2013). Исследования демонстрируют, что виктимное поведение является значимым фактором риска дезадаптации, аддиктивных паттернов, тревожных расстройств и нарушений социального функционирования (Григорьева & Усова, 2020; Barboza, 2015; Cañas et al., 2020; Bettencourt et al., 2023; Liu et al., 2026), выделяются паттерны радикализации в образовательной среде (Ничипоренко и др., 2025), определяется роль раннего выявления уязвимых групп учащихся в снижении рисков травли, эмоционального выгорания и социального исключения (Salmivalli, 2010; Olweus, 2013). Обзор литературы показал, что в контексте рисков возникновения девиаций виктимность приобретает антропологический смысл, так как определяет базовые способы существования ребенка в социальной среде и отношение к себе, сверстникам, взрослым, нормам, риску, помощи и защите собственных границ.

Несмотря на значительное число работ, посвященных отдельным аспектам проблемы, задача анализа виктимных риск-маркеров как основы проектирования профилактических программ остается актуальной. Нуждается в проработке вопрос определения антропологических основ как совокупности базовых способов существования ребенка в образовательной среде, которые учтут состояние виктимности как индивидуальной уязвимости к рискам девиантного поведения. Это определило цель исследования – изучение виктимности учащихся в аспекте ее интерпретации как возможной антропологической основы профилактики девиантных рисков.

Методы

Исследование носило одномоментный (поперечный) срез с использованием методов опроса и последующей статистической обработкой. Сбор данных проводился в апреле–мае 2025 года. В исследовании приняли участие 740 учащихся 1–11 классов общеобразовательных школ в городах присутствия ФосАгро (Череповец, Балаково, Волхов, Кировск). В выборке представлены 426 девочек (57,6 %) и 314 мальчиков (42,4 %). Опрос носил добровольный характер, проходил посредством заполнения онлайн-формы, что привело к неравномерности распределения по классам (1 класс – 30 человек; 2 класс – 69; 3 класс – 148; 4 класс – 223; 5 класс – 68; 6 класс – 88; 7 класс – 9; 8 класс – 22; 9 класс – 44; 10 класс – 37; 11 класс – 2 человека). Наиболее полно представлены младшие и средние классы, что учитывалось при интерпретации возрастных данных. В исследовании использован опросник виктимного поведения, состоящий из 30 утверждений с бинарными ответами («да» – 1, «нет» – 0), сформированный на основе модели О. О. Андронниковой. В соответствии с моделью выделено три уровня выраженности виктимности и пять субшкал виктимности: агрессивная, самоповреждающая, зависимая, некритичная, реализованная. На каждый тип виктимности предложено по пять вопросов, предполагающих бинарный ответ и фиксирующих наличие риск-маркера. Шестой блок вопросов включал шкалы лжи и рассматривался дополнительно как гиперсоциальная виктимность. Используемая методика представляет собой адаптированный скрининговый опросник, механизм адаптации которого включает содержательное соотнесение пунктов с типами виктимности, упрощение формулировок для школьной аудитории, бинаризацию ответов. Субшкалы методики применены в исследовании не как классический клинический инструмент, а как содержательно-аналитические блоки мониторинга. Статистическая обработка включала частотный анализ, описательные статистики, корреляционный анализ и разведочную кластеризацию методом K-means. Анализ проводился в среде JASP (версия 0.19). При статистической обработке базы данных и подсчете корреляционных связей частично использованы технологии на основе искусственного интеллекта.

Исследование проводилось с соблюдением этических принципов работы с несовершеннолетними (добровольность, информированное согласие родителей, опрос в обезличенной форме, конфиденциальность, ограниченность доступа рамками исследовательской группы).

Результаты

Средний суммарный балл по всей выборке составил 8,92 ($SD = 3,12$), медиана – 9, минимум – 3, максимум – 23. При условном делении на группы по выраженности риск-маркеров низкая выраженность была выявлена у 171 обучающегося (23,1 %), средняя выраженность – у 485 обучающихся (65, %), высокая выраженность – у 84 обучающихся (11,4 %). Эти данные не позволяют говорить о массовой реализованной виктимизации, однако показывают наличие значительного слоя обучающихся со средним уровнем риск-маркеров и меньшей, но содержательно важной группы повышенного психолого-педагогического внимания.

Анализ данных по субшкалам показал, что самыми высокими оказались показатели по зависимой виктимности: в среднем 1,99 из 5. Далее идут самоповреждающая/рискованная ($M = 1,44$ из 5), некритичная ($M = 1,30$ из 4), агрессивная ($M = 1,17$ из 5) и, наконец, реализованная виктимность ($M = 0,50$ из 4). Гиперсоциальная виктимность, связанная с желанием воспроизвести социально одобряемое поведение, характеризуется $M = 1,09$ из 5. Признаки реализованной виктимизации выражены существенно ниже. Так, 37 школьников (5 %) заявили, что не общаются со сверстниками из-за обид; 50 (6,8 %) сообщили, что сверстники их часто обижают; 76 (10,3 %) ответили, что их часто дразнят. Еще 208 человек (28,1 %) считают других людей более счастливыми, чем себя. Эти цифры нельзя игнорировать, но и расценивать их как прямое свидетельство массового буллинга не вполне корректно.

Анализ реализованных выборов показал, что чаще всего встречались риск-маркеры, отражающие не прямую виктимизацию, а фоновые формы дезадаптивной уязвимости: трудности принятия замечаний, импульсивность, ожидание помощи взрослых, нарушение правил, пассивность в ситуации агрессии, неуверенность в возможности справиться с трудностью, т. е. признаки нарушения саморегуляции, автономии и безопасной коммуникации (таблица 1).

Таблица 1. Частые риск-маркеры виктимности

Table 1. Frequent risk markers of victimisation

Риск-маркер	n	%
Не любит, когда делают замечания	587	79,3
Иногда делает что-то не думая	546	73,9
Ждет помощи от взрослых	534	72,2
Иногда нарушает правила взрослых	476	64,3
Не вмешивается, если кого-то обижают	462	62,4
Часто кажется, что не справится	348	47,0
Легко теряет терпение	299	40,4
Готов отомстить, если обидели	277	37,5

В антропологическом плане это отражает уязвимое положение ребенка в системе школьных отношений: часть обучающихся одновременно ориентирована на внешнюю помощь взрослых и демонстрирует импульсивные либо недостаточно контролируемые действия. Таким образом, в обследованной выборке виктимное поведение проявляется не столько через реальное попадание в роль жертвы, сколько через зависимо-импульсивный профиль уязвимости. Анализ ответов респондентов показал, что за каждой линией уязвимости стоят свои доминирующие риски: зависимая виктимность – ожидание помощи от взрослых и трудности с самостоятельным выходом из сложных ситуаций; рискованная – импульсивность, склонность действовать без раздумий; некритичная – пассивность, когда ребенок видит агрессию, но не способен противостоять давлению окружающих.

Для уточнения вклада отдельных пунктов в интегральный показатель виктимности был проведен корреляционный анализ методом скорректированной корреляции пункта с общим баллом (CITC). Выявлено, что эмпирическое ядро интегрального показателя виктимности образуют не самые частотные ответы, а пункты, отражающие эмоциональную уязвимость, переживание социальной небезопасности, реализованную виктимизацию и импульсивно-

агрессивную реактивность. Наиболее сильные скорректированные связи выявлены из утверждений: «Я часто чувствую, что все против меня» ($r = 0,362$; $p < 0,001$), «Меня часто дразнят» ($r = 0,347$; $p < 0,001$), «Другие люди кажутся счастливее меня» ($r = 0,344$; $p < 0,001$), «Мне часто кажется, что я не справлюсь» ($r = 0,326$; $p < 0,001$), «Меня часто обижают» ($r = 0,309$; $p < 0,001$). Эти пункты отражают субъективное переживание небезопасности, социальной уязвимости и трудности совладания с ситуацией. Ожидание помощи от взрослых, пассивность в ситуации наблюдаемой агрессии и трудности принятия замечаний являются массово представленными признаками, однако их связь с суммой остальных пунктов слабая или статистически неустойчивая. Эти массовые поведенческие ответы выступают фоновыми мониторинговыми индикаторами школьной среды и школьного климата и отражают особенности возрастной регуляции и дефицит безопасных сценариев поведения.

Для оценки типологизации виктимности была выполнена разведочная кластеризация методом K-means (таблица 2).

Таблица 2. Профили виктимности

Table 2. Victimization profiles

Кластер	n	%	Средний общий балл	Содержательная характеристика
Профиль 1	175	23,6	12,85	Повышенный риск: агрессивные, рискованные и реализованные признаки
Профиль 2	247	33,4	8,31	Зависимо-гиперсоциальный профиль при низкой реализованной виктимизации
Профиль 3	318	43	7,64	Умеренный риск с элементами импульсивности

Профиль 1 (агрессивно-импульсивный, высокий риск) характеризуется максимальными значениями агрессивной ($M = 2,8$) и самоповреждающей ($M = 3,1$) субшкал, повышенной реализованной виктимностью ($M = 1,4$). Профиль 2 (тревожно-зависимый) – пик по зависимой субшкале ($M = 3,2$), низкая агрессия. Профиль 3 (низкорисковый адаптивный) – низкие значения по всем субшкалам с элементами уязвимости.

Для оценки внутренней связанности каждого профиля были рассчитаны корреляции между шестью субшкалами методом ранговой корреляции Спирмена. По профилю 1 выявлено, что связь слабая–умеренная (средняя связь между субшкалами $\rho = 0,127$; максимальная $\rho = 0,450$). Это наиболее структурированный профиль. По профилю 2 выявлено, что связь слабая (средняя связь между субшкалами $\rho = 0,103$; максимальная $\rho = 0,286$). Профиль менее внутренне связанный. По профилю 3 выявлено, что связь очень слабая (средняя связь между субшкалами $\rho = 0,067$; максимальная $\rho = 0,151$). Это наиболее разнородный профиль. Таким образом, внутри кластеров нет сильной общей связанности всех характеристик между собой, а сами профили не являются плотными. Скорее это эмпирические профили, где отдельные признаки выражены сильнее, но не обязательно жестко связаны друг с другом.

Анализ вариативности выделенных профилей по полу показал, что структура внутрикластерных связей у мальчиков более выражена, особенно в агрессивно-импульсивном профиле, однако эти различия носят скорее описательный характер и не могут интерпретироваться нами как доказанное половое различие. Возрастной анализ также не выявил статистически значимой связи между возрастом и принадлежностью к профилю, так как профили

представлены во всех возрастных группах, статистические различия по данному параметру выявлены не были. В антропологическом смысле это означает, что профилактическая работа должна строиться не столько по возрастному принципу, сколько на основе принципов индивидуализации и дифференциации риск-маркеров.

Для классов с достаточной наполненностью (1–4, 5–6, 9–10) были рассчитаны средние значения субшкал. С учетом однородности данных и отсутствия статистически значимых различий между 1–4, 5–6 и 9–10 классами результаты были сгруппированы в данные по уровням образования: начальное, основное, среднее (таблица 3).

Таблица 3. Средние значения субшкал по классам (для классов с N≥30)

Table 3. Average values of subscales by class (for classes with N≥30)

Возрастная группа	Агрессивная	Самоповреждающая	Зависимая	Гиперсоциальная	Некритичная	Реализованная
1–4 классы	1,03	1,32	2,11	1,12	1,43	0,50
5–6 классы	1,14	1,95	1,76	1,05	1,26	0,53
10–11 классы	1,90	1,46	1,32	0,95	1,46	1,94

Анализ средних значений субшкал показывает, что структура виктимных риск-маркеров различается по классам, однако эти различия следует рассматривать преимущественно как описательные, а не как доказанный устойчивый возрастной тренд. Описательные данные указывают на возможное повышение самоповреждающей / рискованной субшкалы в 5–6 классах и реализованной виктимности в старших группах, однако данные требуют осторожной интерпретации из-за неравномерной численности возрастных подгрупп.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают многомерную природу виктимности, постулируемую в модели О. О. Андронниковой (2019), и подтверждают, что виктимное поведение есть многокомпонентное образование, включающее не только факты реализованной виктимизации, но и широкий спектр предшествующих признаков. В исследуемой выборке наиболее массово представлены зависимость от взрослых, импульсивность, пассивность в ситуации агрессии, неуверенность в возможности справиться с трудностью и трудности эмоциональной саморегуляции. Эти признаки образуют мониторинговый профиль школьной уязвимости. В то же время данные о наличии обучающихся с прямыми признаками обид или социальной изоляции требуют адресного внимания, поскольку описанная в литературе связь виктимизации с психосоциальным неблагополучием, внутренними проблемами и внешними поведенческими трудностями (Reijntjes et al., 2010) не может игнорироваться при решении вопроса безопасности детей и подростков. Выделенные эмоциональная уязвимость, импульсивность и социальная нестабильность согласуются с данными зарубежных исследований (Barboza, 2015; Marengo et al., 2019). Отметим, что эмоциональная уязвимость оказалась самым сильным фактором, связанным с показателем общего риска, что подтверждает центральную роль внутренней беспомощности (Андронникова, 2019; Реан, 2018; Lee et al., 2023).

Кластерный анализ позволил выделить три профиля. Особый интерес представляет наиболее оформленный и внутренне структурированный профиль 1 (агрессивно-импульсивный,

23,6 % выборки), который характеризуется максимальным средним интегральным баллом, а также более высокими значениями по агрессивной, рискованной и реализованной линиям. По сочетанию импульсивности, агрессивной реактивности и следов перенесенных обид этот эмпирически сформированный профиль требует особого психолого-педагогического внимания. Этот вывод согласуется с данными метаанализов (Cook et al., 2010; Olweus, 2013; Salmivalli, 2010). На наш взгляд, важно и то, что в этом профиле одновременно высоки показатели по самоповреждающей субшкале, что, по данным А. А. Григорьевой и Л. Е. Усовой (2020), коррелирует с риском аддиктивного поведения. С учетом разнородности внутренних связей в двух других профилях наблюдается значительное число школьников с пассивной позицией, предпочитающих не вмешиваться, когда кто-то становится объектом агрессии. По нашему мнению, не стоит автоматически приписывать виктимность каждому из них. Скорее всего, природа такого явления кроется в дефиците безопасных сценариев и несформированности культуры взаимовыручки. Практическое следствие данного результата состоит в следующем: в программу профилактики необходимо включать обучение детей безопасным способам реагирования. В то же время в профиле 3 (низкорисковый адаптивный) заметны черты, характерные для традиционного уклада (уверенность в себе и самостоятельность). Это говорит о том, что формирование традиционных устоев, в том числе укрепление коллективистских связей, снижение индивидуализма, может выступить фактором девиктимизации детей и подростков, а сама ценностно-ориентированная профилактика обладает существенным превентивным потенциалом, что согласуется с позицией П. Г. Мартысюка (2024).

Возрастная динамика в целом отражает закономерные этапы развития регуляторных функций. В начальной школе высока зависимость от взрослых. Несмотря на то что это возрастная норма, данные свидетельствуют о необходимости целенаправленной работы по формированию самостоятельности и критичности мышления. Импульсивность более выражена в 5–6 классах, что совпадает с началом пубертата. Частые ссылки детей этого возраста на действия «не подумав», склонность нарушать правила и готовность мстить показывают: школьная виктимность далеко не всегда носит пассивный характер, дети готовы ответить на социальное напряжение агрессивно, реактивно или с риском для себя. В 9–10 классах (15–16 лет) на первый план выходят реальная агрессия и реальный опыт виктимизации. Это хорошо согласуется с исследованиями школьного буллинга (Буткевич, 2024), а также с данными о возрастных пиках формирования паттерна радикализации в их созависимости – от дефицита доверия и поддержки в образовательной среде (Ничипоренко и др., 2025).

Полученные данные позволяют рассматривать виктимность как возможную антропологическую основу профилактики девиантных рисков в трех смыслах: отношение ребенка к себе (уверенность, самооффективность, переживание собственной уязвимости); отношение к другим (способность взаимодействовать со сверстниками, отказывать, просить помощь, реагировать на агрессию); отношение к норме и риску (способность соблюдать правила, удерживать импульс, предвидеть последствия и выбирать безопасный способ действия). Результаты показывают, что профилактическую работу следует направлять не только на выявленные случаи девиаций, но и на более массовые фоновые риски: зависимость от взрослых, импульсивность, пассивность наблюдателя, трудность принятия замечаний, неуверенность и ограниченную критичность.

Заключение

Проведенное исследование показало, что виктимное поведение детей и подростков в школьной среде имеет многокомпонентную структуру. В исследуемой выборке признаки реализованной виктимизации выражены у меньшей части обучающихся, однако значительно шире представлены фоновые риск-маркеры: зависимость от помощи взрослых, импульсивность,

пассивность в ситуации агрессии, трудности эмоциональной саморегуляции, неуверенность и недостаточная критичность.

Интегральный показатель виктимности у большинства обучающихся находится в среднем диапазоне, а группа высокого уровня составляет примерно 1/10. Наиболее выраженной субшкалой является зависимая виктимность, что указывает на значимость проблемы автономии и субъектности ребенка в школьной среде. Ядро виктимного риска составляют эмоциональная уязвимость, переживание социальной небезопасности, признаки дразнения и обид, а также импульсивно-агрессивные реакции.

Виктимность может рассматриваться как антропологическая основа профилактики девиантных рисков в том смысле, что она отражает нарушение базовых способов существования ребенка в образовательной среде: отношения к себе, к другим, к норме, к риску, к взрослой помощи и к защите собственных границ. Полученные данные указывают на наличие риск-маркеров, требующих профилактической работы, охватывающей всех субъектов образовательных отношений – родителей, педагогов, детей и их окружение. Профилактическая работа должна строиться как система раннего выявления и сопровождения, включающая развитие эмоциональной саморегуляции, навыков безопасного общения, критичности, способности обращаться за помощью, конструктивного разрешения конфликтов и формирования культуры поддержки свидетелей агрессии. Самое главное – не стигматизировать обучающихся с повышенными показателями, а использовать данные мониторинга для адресной и многоуровневой профилактики школьной дезадаптации и небезопасных форм поведения.

Выявленные профили и фоновые риск-маркеры могут быть рассмотрены как база реализации основ социальной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и как важное условие формирования безопасного поведения у детей и подростков.

Список литературы

- Андронникова, О. О. (2019). Психологическая модель генезиса индивидуальной виктимизации: детский, подростковый и юношеский возраст. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, (2), 55–64.
- Буткевич, С. А. (2024). Школьная травля: особенности генезиса, проявлений и превенции девиаций межличностных общений. *Российский девиантологический журнал*, 4(4), 599–610. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-599-610>
- Быстрова, Ю. А., & Быстров, А. Е. (2023). Психологические предикаты виктимного поведения молодых людей с интеллектуальными нарушениями. *Вестник практической психологии образования*, 20(4), 67–77. <https://doi.org/10.17759/bppe.2023200406>
- Григорьева, А. А., & Усова, Л. Е. (2020). Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и рисков употребления психоактивных веществ у подростков. *Психология и право*, 10(3), 211–223. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100314>
- Мартысюк, П. Г. (2024). Трансформация концепта культурной девиации в контексте общественного развития. *Человек. Культура. Образование*, 2(52), 10–24. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-10>
- Ничипоренко, Н. П., Пацакула, И. И., & Галиев, И. Ш. (2025). Характеристика и условия формирования паттерна радикализации у обучающихся. *Российский девиантологический журнал*, 5(2), 267–281. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-2-267-281>
- Реан, А. А. (2015). Семья как фактор профилактики и риск виктимного поведения. *Национальный психологический журнал*, 1(17), 3–8. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0101>
- Реан, А. А. (2018). Профилактика агрессии и антисоциального поведения подростков. *Национальный психологический журнал*, 11(2), 3–12. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0201>

- Семенова, К. Г. (2024). Социально-психологическая дезадаптация подростков: типология и взаимосвязь с системой ценностных ориентаций. *Вестник практической психологии образования*, 21(1), 111–124. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210109>
- Тойнби, А. Дж. (2001). *Постижение истории* (Е. Д. Жарков, Пер.; В. И. Уколова & Д. Э. Харитонович, Ред.). Айрис-Пресс; Рольф. (Оригинальная работа опубликована 1934–1961).
- Axford, N., Bjornstad, G., Clarkson, S. *et al.* (2020). The Effectiveness of the KiVa Bullying Prevention Program in Wales, UK: Results from a Pragmatic Cluster Randomized Controlled Trial. *Prevention Science*, 21, 615–626. <https://doi.org/10.1007/s11121-020-01103-9>
- Barboza, G. E. (2015). The association between school exclusion, delinquency and subtypes of cyber- and F2F-victimizations: Identifying and predicting risk profiles and subtypes using latent class analysis. *Child Abuse & Neglect*, 39, 109–122. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2014.08.007>
- Bettencourt, A. F., Clary, L. K., Ialongo, N., & Musci, R. J. (2023). Long-term consequences of bullying involvement in first grade. *Journal of School Psychology*, 97, 63–76. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2023.01.004>
- Cañas, E., Estévez, E., León-Moreno, C., & Musitu, G. (2020). Loneliness, Family Communication, and School Adjustment in a Sample of Cybervictimised , Adolescents. *International journal of environmental research and public health*, 17(1), 335. <https://doi.org/10.3390/ijerph17010335>
- Cook, C. R., Williams, K. R., Guerra, N. G., Kim, T. E., & Sadek, S. (2010). Predictors of bullying and victimization in childhood and adolescence: A meta-analytic investigation. *School Psychology Quarterly*, 25(2), 65–83. <https://doi.org/10.1037/a0020149>
- DuPont-Reyes, M.J., Villatoro, A.P., Phelan, J.C., Painter, K., Barkin, K. & Link, B.G. (2021), School Mental Health Curriculum Effects on Peer Violence Victimization and Perpetration: A Cluster-Randomized Trial. *Journal of School Health*, 91, 59–69. <https://doi.org/10.1111/josh.12978>
- Garandeau, C. F., Turunen, T., Saarento-Zaprudin, S., & Salmivalli, C. (2023). Effects of the KiVa anti-bullying program on defending behavior: Investigating individuallevel mechanisms of change. *Journal of school psychology*, 99, 101226. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2023.101226>
- Garandeau, C. F., Yanagida, T., Vermande, M. M., Strohmeier, D., & Salmivalli, C. (2019). Classroom Size and the Prevalence of Bullying and Victimization: Testing Three Explanations for the Negative Association. *Frontiers in psychology*, 10, 2125. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02125>
- Lee, M. B., Yeom, Y. O., Kim, M. S., Lee, Y., Kim, K. M., Kim, D. H., Lee, C. M., & Lim, M. H. (2023). Effects of school sandplay group therapy on children victims of cyberbullying. *Medicine*, 102(14), e33469. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000033469>
- Liu, L., Gai, J., Luo, M. *et al.* (2026). The effects of school bullying victimization on the development of adolescent depression across genders: a hierarchical linear model analysis. *BMC Public Health*, 26, 1455. <https://doi.org/10.1186/s12889-026-27128-3>
- Marengo, D., Settanni, M., Prino, L. E., Parada, R. H., & Longobardi, C. (2019). Exploring the dimensional structure of bullying victimization. *Frontiers in Psychology*, 10, 770. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00770>
- Olweus, D. (2013). School bullying: Development and some important challenges. *Annual Review of Clinical Psychology*, 9 (1), 751–780. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516>
- Reijntjes, A., Kamphuis, J. H., Prinzie, P., & Telch, M. J. (2010). Peer victimization and internalizing problems in children: A meta-analysis of longitudinal studies. *Child Abuse & Neglect*, 34(4), 244–252. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2009.07.009>
- Salmivalli, C. (2010). Bullying and the peer group: A review. *Aggression and Violent Behavior*, 15(2), 112–120. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2009.08.007>

References

- Andronnikova, O. O. (2019). Psikhologicheskaya model genezisa individualnoy viktimizatsii: detskiy, podrostkovyy i yunosheskiy vozrast. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, (2), 55–64.
- Butkevich, S. A. (2024). Shkolnaya travlya: osobennosti genezisa, proyavleniy i preventsii deviatsiy mezhlichnostnykh obshcheniy. *Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal*, 4(4), 599–610. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-599-610>
- Bystrova, Yu. A., & Bystrov, A. E. (2023). Psikhologicheskie predikaty viktimnogo povedeniya molodykh lyudey s intellektualnymi narusheniyami. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya*, 20(4), 67–77. <https://doi.org/10.17759/bppe.2023200406>
- Grigoreva, A. A., & Usova, L. E. (2020). Vzaimosvyaz sklonnosti k viktimnomu povedeniyu i riskov upotrebleniya psikhoaktivnykh veshchestv u podrostkov. *Psikhologiya i pravo*, 10(3), 211–223. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100314>
- Martysyuk, P. G. (2024). Transformatsiya kontsepta kulturnoy deviatsii v kontekste obshchestvennogo razvitiya. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie*, 2(52), 10–24. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-10>
- Nichiporenko, N. P., Patsakula, I. I., & Galiev, I. Sh. (2025). Kharakteristika i usloviya formirovaniya patterna radikalizatsii u obuchayushchikhsya. *Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal*, 5(2), 267–281. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-2-267-281>
- Rean, A. A. (2015). Semya kak faktor profilaktiki i risk viktimnogo povedeniya. *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal*, 1(17), 3–8. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0101>
- Rean, A. A. (2018). Profilaktika agressii i antisotsialnogo povedeniya podrostkov. *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal*, 11(2), 3–12. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0201>
- Semenova, K. G. (2024). Sotsialno-psikhologicheskaya dezadaptatsiya podrostkov: tipologiya i vzaimosvyaz s sistemoy tsennostnykh orientatsiy. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya*, 21(1), 111–124. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210109>
- Toynbee, A. J. (2001). *Postizhenie istorii* (E. D. Zharkov, Trans.; V. I. Ukolova & D. E. Kharitonovich, Eds.). Ayris-Press; Rolf. (Original work published 1934–1961).
- Axford, N., Bjornstad, G., Clarkson, S. *et al.* (2020). The Effectiveness of the KiVa Bullying Prevention Program in Wales, UK: Results from a Pragmatic Cluster Randomized Controlled Trial. *Prevention Science*, 21, 615–626. <https://doi.org/10.1007/s11121-020-01103-9>
- Barboza, G. E. (2015). The association between school exclusion, delinquency and subtypes of cyber- and F2F-victimizations: Identifying and predicting risk profiles and subtypes using latent class analysis. *Child Abuse & Neglect*, 39, 109–122. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2014.08.007>
- Bettencourt, A. F., Clary, L. K., Ialongo, N., & Musci, R. J. (2023). Long-term consequences of bullying involvement in first grade. *Journal of School Psychology*, 97, 63–76. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2023.01.004>
- Cañas, E., Estévez, E., León-Moreno, C., & Musitu, G. (2020). Loneliness, Family Communication, and School Adjustment in a Sample of Cybervictimized Adolescents. *International journal of environmental research and public health*, 17(1), 335. <https://doi.org/10.3390/ijerph17010335>
- Cook, C. R., Williams, K. R., Guerra, N. G., Kim, T. E., & Sadek, S. (2010). Predictors of bullying and victimization in childhood and adolescence: A meta-analytic investigation. *School Psychology Quarterly*, 25(2), 65–83. <https://doi.org/10.1037/a0020149>
- DuPont-Reyes, M.J., Villatoro, A.P., Phelan, J.C., Painter, K., Barkin, K. & Link, B.G. (2021), School Mental Health Curriculum Effects on Peer Violence Victimization and Perpetration: A Cluster-Randomized Trial. *Journal of School Health*, 91, 59–69. <https://doi.org/10.1111/josh.12978>
- Garandau, C. F., Turunen, T., Saarento-Zaprudin, S., & Salmivalli, C. (2023). Effects of the KiVa

- anti-bullying program on defending behavior: Investigating individual level mechanisms of change. *Journal of school psychology*, 99, 101226. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2023.101226>
- Garandeau, C. F., Yanagida, T., Vermande, M. M., Strohmeier, D., & Salmivalli, C. (2019). Classroom Size and the Prevalence of Bullying and Victimization: Testing Three Explanations for the Negative Association. *Frontiers in psychology*, 10, 2125. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02125>
- Lee, M. B., Yeom, Y. O., Kim, M. S., Lee, Y., Kim, K. M., Kim, D. H., Lee, C. M., & Lim, M. H. (2023). Effects of school sandplay group therapy on children victims of cyberbullying. *Medicine*, 102(14), e33469. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000033469>
- Liu, L., Gai, J., Luo, M. *et al.* (2026). The effects of school bullying victimization on the development of adolescent depression across genders: a hierarchical linear model analysis. *BMC Public Health*, 26, 1455. <https://doi.org/10.1186/s12889-026-27128-3>
- Marengo, D., Settanni, M., Prino, L. E., Parada, R. H., & Longobardi, C. (2019). Exploring the dimensional structure of bullying victimization. *Frontiers in Psychology*, 10, 770. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00770>
- Olweus, D. (2013). School bullying: Development and some important challenges. *Annual Review of Clinical Psychology*, 9 (1), 751–780. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516>
- Reijntjes, A., Kamphuis, J. H., Prinzie, P., & Telch, M. J. (2010). Peer victimization and internalizing problems in children: A meta-analysis of longitudinal studies. *Child Abuse & Neglect*, 34(4), 244–252. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2009.07.009>
- Salmivalli, C. (2010). Bullying and the peer group: A review. *Aggression and Violent Behavior*, 15(2), 112–120. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2009.08.007>

Информация об авторах

Ольга Александровна Денисова – заведующий кафедрой дефектологического образования Череповецкого государственного университета, директор Ресурсного учебно-методического центра Северо-Западного федерального округа по обучению лиц с ОВЗ и инвалидностью на базе ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» (РУМЦ СЗФО ЧГУ), доктор педагогических наук, профессор.

Ольга Леонидовна Леханова – доцент кафедры дефектологического образования Череповецкого государственного университета, заместитель директора Ресурсного учебно-методического центра Северо-Западного федерального округа по обучению лиц с ОВЗ и инвалидностью на базе ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» (РУМЦ СЗФО ЧГУ), кандидат педагогических наук, доцент.

Александра Владиславовна Михайлова – заведующий кабинетом кафедры дефектологического образования Череповецкого государственного университета, младший научный сотрудник лаборатории Ресурсного учебно-методического центра Северо-Западного федерального округа по обучению лиц с ОВЗ и инвалидностью на базе ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» (РУМЦ СЗФО ЧГУ).

About the authors

Olga A. Denisova – Head of the Department of Defectological Education of Cherepovets State University, Director of the Resource Educational and Methodological Center of the North-Western Federal District for Training Persons with Disabilities and Handicaps on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Cherepovets State University” (RUMC of the NWFD of ChSU), Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Olga L. Lekhanova – Associate Professor at the Department of Defectological Education at Cherepovets State University, Deputy Director of the Resource Training and Methodological Center for the Education of People with Disabilities in the Northwestern Federal District at Cherepovets State University, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Alexandra V. Mikhailova – Head of the Office of the Department of Defectological Education at Cherepovets State University, a junior researcher at the Laboratory of the Resource Educational and Methodological Center of the Northwestern Federal District for the Education of People with Disabilities at the Cherepovets State University.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 22.05.2026

Одобрена после рецензирования 06.07.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted May 22, 2026

Approved after reviewing July 06, 2026

Accepted July 30, 2026